

цией различных чеховских произведений. В образе Алексея Максимова просматривается ресайклинг образа Базарова. Однако конфликт поколений разрешается в лучших традициях соцреализма — молодое поколение ниспровергателей авторитетов в конечном счете преклоняется перед опытом и житейской мудростью фронтовиков, а герой все-таки находит выход из своего душевного кризиса, но не в рамках традиций классической русской литературы, а в рамках соцреалистической поэтики. Таким образом, в повести В. Аксенова «Коллеги» присутствует как ресайклинг различных произведений русской классической литературы, так и ресайклинг основных элементов советского производственного романа, казалось бы уже исчерпавшего свои возможности. За счет этой контаминации углубляется и универсализируется проблематика произведения, характеры персонажей становятся более живыми и правдоподобными, чем в производственных романах предыдущего поколения, и в то же время находят «правильное», идеологически выверенное разрешение все неразрешимые проблемы русской классической литературы.

В докладе Ю. А. Секушиной (Санкт-Петербург) «Лечение временем? Советское прошлое в постсоветском санатории» была предложена концепция «лечения временем» для понимания прагматики поездок в санаторий. Секушина начала свое выступление с попытки осмысления метафоры батарейки, которую используют посетители для описания своих поездок: ездим, чтобы «зарядить батарейку». Через эту метафору была проведена связь с экономическими отношениями между санаторием и посетителями: санатории «торгуют» не только здоровьем, но и временем. По мнению автора, отдыхающие посещают санатории в надежде обеспечить себе активное долголетие в позднекапиталистическом обществе. Таким образом, советская практика посещения санаториев, с одной стороны, продолжает существовать в современной России, а с другой стороны, ее прагматика в обновленных реалиях меняется. В докладе предпринята попытка осмыслить практику посещения санаториев и ее взаимоотношение с советским

прошлым через концепцию культурного ресайклинга. В таком случае «лечение временем» — это пропущенная сквозь культурный ресайклинг советская практика, обеспечивающая и принятие советского прошлого, и критику социального порядка настоящего.

Н. В. Семенова (Санкт-Петербург) в докладе «Ресайклинг „ленинградского текста“ в театрализованных практиках: „Я жила“ (МХТ) и Медиация в Доме Радио» остановилась на анализе иммерсивного спектакля «Я жила» («Мобильный художественный театр») и арт-медиации в Доме Радио (Санкт-Петербург). Эти проекты объединяет то, что в них происходит ресайклинг петербургского текста. Основа петербургского текста XXI века остается неизменной: представления о миражности города, иррациональности, эсхатологические мотивы, патологические состояния, базовые бинарные оппозиции. Однако анализируемые проекты нельзя рассматривать без привлечения понятия ленинградского текста, потому что в произведениях XXI века наблюдается явная переконфигурация пространства петербургского текста, а также происходит его интеграция в текст травматических блокадных нарративов. Исследование показало, что променад «Я жила», созданный на основе блокадных дневников О. Берггольц, можно отнести к петербургскому тексту по ряду концептуальных признаков. В то время как арт-медиация, использующая многие приемы, характерные для петербургского текста, таковым не является, поскольку ключевым объектом рефлексии становится не город, влияющий на субъекта, а локус дома, где живет музыка, и история этого локуса.

В финале второго дня состоялась общая дискуссия. В ней участники семинара, с одной стороны, обозначили универсальные тенденции в ресайклинге советского наследия в постсоветском обществе и культуре, а с другой стороны, отметили характерные отличия в зависимости от вида искусства и временного периода переосмысления.

© Д. А. Журкова

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-275-279

ЧЕТВЕРТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАБОВОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Научная конференция Международные Набобовские чтения прошла в Санкт-Петербурге с 20 по 21 июля 2023 года. В этом году она вновь проводилась в офлайн- и онлайн-форматах с трансляцией на YouTube-канале Пушкинского Дома. Чтения открылись приветственными словами директора Пушкинского Дома В. В. Головина и председателя оргкомитета конференции Т. О. Пономаревой.

Открыл заседание доклад В. Б. Полищук (Санкт-Петербург) «„Зримым лучам звезды, уже потухшей“: Проблемы коммуникации персонажей в произведениях В. Набокова», посвященный коммуникации персонажей в диапазоне от бытовой до метафизической, включая потусторонние послания. В нем подробно анализировались примеры искаженной или несостоявшейся коммуникации в вербальном взаимодействии

персонажей. Противопоставлением служила коммуникация идеальная: герои, верно читающие «знаки и символы» поусторонности и своего творца, а также понимающие друг друга. Анализ был сделан на материале рассказов, а также романов «Король, дама, валет», «Дар», «Защита Лужина» и «Лолита».

За ним последовало выступление Ю. А. Богатицкой (Москва) «Достоверность абстракции в романе В. В. Набокова „Прозрачные вещи“». Исследовательницей была предложена уровневая модель представления художественных образов в произведениях, позиционируемом как своеобразный путеводитель по творческому методу Набокова. Так, ряд развернутых образов романа демонстрирует способы авторского описания понятий «память» и «творчество» как ненаблюдаемых когнитивных механизмов, представленных в виде многоуровневых (или телескопических) конструкций одновременно с позиции повествовательного хронолога и с точки зрения лингвистических характеристик текста.

В докладе Л. Н. Рягузовой (Краснодар) «„Мифологическая семантика“ поэтики В. В. Набокова» рассматривались мифологические представления и их атрибутивные формы в художественной системе писателя. Через сопоставление семантики и функции вещи в архаическую эпоху и в творчестве Набокова, раскрытие архаических черт лирической топки, системы семантических тождеств, параллелизма реалистического и иллюзорного была выявлена индивидуально-авторская стилизация, основанная на интеллектуальных и в то же время по-человечески наивных попытках проникнуть в «свою вечность», до-логическую образность, создать свою собственную систему познания.

Выступление А. О. Филимонова (Санкт-Петербург) было посвящено «наследию аполлинизма и дионисизма в романе В. Набокова „Дар“». Главный герой романа одновременно бессознательно и осознанно стремится продолжить аполлоническую традицию, которая была прервана эпохой большевизма. «Пушкинский камертон» помогает ему противостоять хаосу «псеводионисийской» школы, которая ярко проявилась в борьбе с наследниками Чернышевского, не понимавшего и отрицавшего пушкинское наследие. Годунов-Чердынцев то олицетворяет себя с лучезарным Аполлоном, то испытывает тягу к вакхическому веселью. Это диалектическое свойство его характера пытается уравновесить Зина Мерц, «полу-Мнемосина» поэта.

Я. В. Погребная (Ставрополь) сделала сообщение «Семиотика образа Японии и художественная концепция буддизма в произведениях В. В. Набокова».

Первая секция первого дня конференции завершилась докладом А. В. Борискиной (Краснодар) «„Соты памяти“: креативная функция воспоминания в метапоэтическом дискурсе В. В. Набокова».

Вторая секция открылась докладом В. Г. Тимофеева (Санкт-Петербург) «О природе „Теле-

патической связи“: казус Франца Кафки». Набоков, последовательно отвергавший предположения о влиянии на него Кафки, допускал, пусть и не без доли иронии, возможную «телепатическую связь». Говорить о типологическом родстве можно только в том случае, когда удается выявить сходства используемых авторами приемов и принципов организации мотивов. Исследователем были описаны устойчивые паттерны, лежащие в основании многих приемов и часто определяющие развитие сюжета произведений Кафки, а они, в свою очередь, были сопоставлены с паттернами, выявленными в произведениях Владимира Набокова.

А. А. Тишковой (Санкт-Петербург) в сообщении «Обезьяний мотив в „Ultima Thule“» было впервые предпринято исследование возможного следа «Отчета для академии» Франца Кафки в набоковском «Ultima Thule». «Очеловеченная обезьяна» из рассказа Кафки, лишенная возможности жить в своей среде и не принимаемая в новом «человечьем» обществе, могла стать одним из источников устойчивого мотива условной принадлежности к разным мирам в «Ultima Thule». Персонажи обоих рассказов сталкиваются с представителями другого мира, выпускают их в свой и страдают от неполной принадлежности к этим мирам, невозможности свободного пересечения границы между ними. Обезьяний мотив в «Ultima Thule» вливается в лейтмотив поиска связи с потусторонним миром и, как «обезьянка истины», снабжает рассказ изрядной долей романтической иронии.

В докладе Д. С. Долгобородовой (Санкт-Петербург) «Набоков и Егунов (А. Николев)» была выдвинута гипотеза о возможных переключках в творчестве двух авторов. Для ее проверки были проанализированы типологические пересечения романов «Solus Rex» и «По ту сторону Тулы» и обнаружены следующие параллели: организующая роль отсылки и аллюзий; пародийность и «языковое шутовство» как «метод вскрытия и уловления метафизики, таящейся в недрах языка» (выражение А. Н. Егунова); существенная роль, отведенная темам потусторонности, бессмертия и памяти. В качестве общего претекста были предложены «Невероятные приключения по ту сторону Туле» Антонио Диогена.

П. В. Жильцова (Санкт-Петербург) в своем выступлении «Как экранизировать „Камеру обскуру“: анализ кинематографических средств в романе В. В. Набокова» выдвинула предположение о том, что роман изначально создавался с целью дальнейшей экранизации, что объясняет выбранную тематику (желание Магды Петерс стать актрисой), а также виртуозное использование приемов, напоминающих некоторые распространённые киноэффекты: приближение фокуса, панорама, «cataloguing», субъективная точка зрения, монтажная склейка и параллельный монтаж, ускорение, «reverse shot». Кроме того, были проанализированы сцены из «Камеры обскуры» (эпизод аварии и последней встречи Бруно Кречмара и Магды),

написанные практически в формате киносценария и представляющие собой готовую основу для дальнейшей киноадаптации.

Исследуя тему «„Идеального читателя“ и автореференции в романе „Ада“, К. А. Рябая (Санкт-Петербург) сопоставила понятия идеального читателя, предполагаемого читателя (presumed addressee) и намеренного читателя (intended reader). Автореференциальность романа «Ада» была проанализирована с трех сторон: как свойство текста напоминать о своей природе (запутанное нарративное устройство романа), как автодигитата и как фикционализированная автобиографичность. В результате был сделан вывод о том, что один и тот же автореференциальный элемент может по-разному восприниматься с позиции различных нарративных инстанций, а также была описана проблема разграничения типов читателей в произведениях.

Доклад К. О. Семиной (Санкт-Петербург) был посвящен поэтике эмигрантских сюжетов В. В. Набокова как части художественного мира писателя. Для литературы эмиграции, в частности первой волны, в которую были написаны два предложенных для анализа произведения: роман «Машенька» и повесть «Соглядатай», характерны концентрация на хронотопе, ключевых образах, символике деталей, взаимодействии пространственно-временного с мотивно-образным уровнем организации текста. Эти составляющие текста и были рассмотрены в связи с поэтикой Набокова, а также было произведено сопоставление двух произведений в контексте раннего и позднего творчества писателя.

Второй день конференции открылся выступлением С. А. Кибальника (Санкт-Петербург) «Шахматная символика и автобиографический подтекст романа Набокова „The Real Life of Sebastian Knight“, в котором на примере первого англоязычного романа Набокова рассматривалась криптопоэтика писателя. Было показано, что в этом романе Набокова оказались затушеваны и кардинально преобразены многие конкретные обстоятельства его личной жизни. Особую роль в анализе играла аллюзивная шахматная символика, о которой не раз писали, но смысл которой до настоящего времени так и оставался непонятным. Между тем ключом к разгадке, как показал исследователь, стал именно автобиографический подтекст романа.

М. В. Прокофьев (Санкт-Петербург) в своем сообщении «О художественном доносе, или Свистонов в „Камере обскуре“» выдвинул гипотезу о том, что на создание этого произведения Набокова вдохновило чтение «Трудов и дней Свистонова». Для проверки гипотезы были сопоставлены два персонажа-писателя — Дитрих фон Зегельбранц и Андрей Свистонов. Оба разделяют общий метод: перенесение встреченных ими людей из жизни в литературу. Особое внимание было уделено повторению мелких деталей, сравнено молодых девушек Магды и Наденьки, мечтавших стать киноактрисами, мотивам слепоты и глухоты и некото-

рым другим типологическим сходствам. В результате исследователь пришел к выводу о том, что Набоков, несомненно, был знаком с «Трудами и днями Свистонова».

Доклад на тему «„Ладинский необычайно талантлив“: рецензия Владимира Набокова на книгу стихов Антонина Ладинского „Черное и голубое“» сделала А. Л. Горобец (Австрия).

Е. Р. Обатнина (Санкт-Петербург) в выступлении «„Другой“ Набоков: еще раз об одном случае имяупотребления в романе Алексея Ремизова „Учитель музыки“» обратилась к проблеме реконструкции авторской стратегии в романе «Учитель музыки», связанной с проекциями упомянутых имен как на конкретные события литературной жизни русского зарубежья начала 1930-х годов, так и на творческую биографию. Центральным объектом исследования стал случай однократного и немотивированного упоминания «музыканта Набокова» в рассказе «Индустриальная подкова» (1931). На основании архивных и других верифицированных источников была восстановлена история отношений Ремизова с композитором Н. Д. Набоковым, до сих пор остававшаяся вне поля исследовательского внимания. Эти данные были представлены как presupпозиция рассказа, которая позволяет объяснить не только мотивы упоминания Н. Д. Набокова, но и роль этого упоминания в структуре рассказа.

Сообщение Е. Г. Белоусовой (Челябинск) было посвящено набоковскому коду в романе Д. И. Рубиной «Почерк Леонардо» (2008). Он складывается из множества элементов: набоковских цитат и аллюзий, ключевых тем и мотивов, устойчивых образов и форм хронотопа, нарративной структуры, основанной на отождествлении/различении героя, рассказчика и автора, а самое главное — целенаправленной стилиевой стратегии автора, все это объединяющей. Рубина сознательно апеллирует к творчеству Набокова, используя набоковский код как средство концентрации художественного, философского и эстетического контекстов и ментального воздействия на читателя. И это способствует углублению смысла романа, открывает новое прочтение вечных тем и мотивов — трагической судьбы художника, жизни и смерти, творчества как дара и проклятия.

Вторая секция второго дня началась с доклада М. Б. Кизилова (Германия) и Г. В. Бондаренко (Китай) «Еврейский и старообрядческий след в биографии Владимира Набокова». О том, что в роду Набокова были старообрядцы, мы знаем не только из работ биографов, но и с его собственных слов. Так, о старообрядческих корнях Набокова известно достаточно, а вот о его возможных еврейских предках написано крайне мало. В тринадцатом томе «Военной энциклопедии» указывается, что Н. И. Козлов, прадед Набокова, был «сын купца еврейского] происхождения», однако об этом не упоминал не только сам писатель, но и ни один из его крупнейших биографов. Не обнаружено пока и иных документальных подтверждений этого факта, а это значит, что предположение о том,

что в генеалогии Набокова были евреи, пока остается лишь предположением.

В сообщении В. В. Шадуурского (Великий Новгород) и А. В. Кошелева (Великий Новгород) «В. Д. Набоков и С. Г. Бередников в истории Дома писателей имени В. Ф. Голубева (по материалам Государственного архива Новгородской области)» были представлены письма, адресованные от разных лиц, в том числе от В. Д. Набокова, Сергею Григорьевичу Бередникову (1853–1916) — известному земскому деятелю Новгородской губернии, литератору, который в 1910-е годы был управляющим Домом писателей имени В. Ф. Голубева. Дом писателей (а фактически общежитие для нуждающихся литераторов) находился в Санкт-Петербурге и относился к деятельности Литературного фонда, секретарем которого был В. Д. Набоков. Литературный фонд избирал Совет по управлению этим Домом. В письме от 17 февраля 1912 года, направленном В. Д. Набоковым из офиса Литфонда на ул. Большая Морская, 47, он в качестве заместителя (помощника) председателя общества от Комитета Литературного фонда уведомляет Бередникова об избрании в Совет по управлению Домом писателей.

Выступление Т. О. Пономаревой (Санкт-Петербург) «Семья Набоковых: новые материалы» продолжило биографические исследования семьи Набоковых и их литературного творчества. Почти все братья и сестры Набоковы писали стихи. И если стихи К. В. Набокова большей частью опубликованы, то творчество Е. В. Набоковой-Сикорской до сих пор практически неизвестно. В докладе впервые было представлено сохранившееся в архиве ее семьи стихотворение, посвященное памяти В. Д. Набокова. Е. В. Сикорская не считала себя поэтессой и не стремилась публиковать свои стихи. Это стихотворение интересно тем, что стилистически оно не повторяет знаменитое стихотворение В. В. Набокова «Вечер на пустыре» и демонстрирует самостоятельный поэтический голос.

В докладе Д. И. Сергеева (Санкт-Петербург) «„Набоковские земли“ в воспоминаниях Набоковых» была раскрыта личность «мистера Куммингса», учителя рисования из автобиографического романа Набокова. Поводом для исследования послужили случайная находка и атрибуция пейзажа с усадьбой Рождествено 1895 года, который находится в частном владении. Картина подписана: «Н. Cumming», и дальнейший поиск дал полное имя художника — Непгу Cumming; именно его Набоков называет «мастером заката». Благодаря открытию настоящего имени учителя появилась возможность атрибутировать некоторые его графические работы как связанные с «Набоковскими землями».

Е. А. Томашевская (США) выступила с сообщением «В. В. Набоков в литературном журнале самиздата „Часы“ (1976–1990)». Оно было посвящено истории печати произведений Набокова и статей о его творчестве в самиздатовском журнале «Часы», который выходил в Ле-

нинграде с 1976 по 1990 год. В этом журнале публиковались стихи, перевод эссе «Гоголь», статьи о произведениях и о псевдонимах Набокова, а также скандальная заметка о докладе на кафедре истории русской литературы ЛГУ в 1981 году, в котором анализировался «Дар». Издатели журнала Б. И. Иванов и Б. В. Останин стремились к формированию новой «культурной среды», и это стремление поколебать авторитет советских институтов сопровождалось созданием их альтернативных форм. Печать текстов Набокова, запрещенного в СССР, способствовала этим целям.

Третий день конференции начался с доклада М. Я. Вайскопфа (Израиль) «Набоков и Честертон: к постановке проблемы». В нем рассматривались ранее не выявленные переключки между Набоковым и Честертоном: секуляризованное визионерство и проблемы религиозно-драматического толка. Несмотря на самобытность и богатство мотивных вариаций, русскоязычные книги Сирина сохраняли преемственность религиозных архетипов, лежавших в основе романа «Человек, который был Четвергом»: дупланность и двусмысленность сакрально-нуминозных образов, которая, возможно, была связана и с английским этапом жизни студента-эмигранта Набокова.

М. Минская (США) в выступлении «Был ли выбор Мартина Эдельвейса свободным?» рассуждала о противоречии реалистических событий, описанных в романе «Подвиг», с идеалистическим восприятием действительности, свойственным главному герою. Логика этих противоречивых восприятий рассматривалась через призму жизненной философии А. Бергсона, который говорил о предрасположенности человека к иллюзорному взгляду на мир. Реальность лишь частично приемлема для людей, и она нередко искажается. Так, Мартин не способен жить, своя реальность к бесчисленным неудачным достижениям, как это воспринимается его идеалистическим умом. Свободный выбор, решение Мартина совершить подвиг основано на его личном представлении о счастье и чести. Жизнь не должна заканчиваться разочарованием и отчаянием. Назвав свой роман «Подвигом», а не «Романтическими временами», как изначально задумывал, Набоков поясняет: «Это подвиг азартных приключений и бескорыстных достижений; подвиг этой земли и ее пятнистого рая; подвиг личного мужества; подвиг светлого мученика».

Р. Ю. Волкова (США) посвятила свой доклад «О коллективном прототипе Зинаиды Мерц» анализу образа главной героини романа «Дар». Зинаида Мерц, любимая женщина главного героя, имеет под собой реальные прототипы. В ней воплощены черты и истории из жизни близких Набокову женщин, с которыми он тесно общался в 1920–1930-е годы, — Зинаида Шаховской, Нины Берберовой, Ирины Гуаданини и Евы Любжинской. Для Набокова роман «Дар» — прощение со своими подругами и выбор в пользу семейной жизни с любимой женой и сыном. Шаховской достается забвение, Бер-

беровой — холод. Гуаданини он, вероятно, собирался убить под колесами автомобиля во второй, ненаписанной части романа. Возможно, что там было приготовлено «место» и для Любжинской. А жене Вере он преподнес лучший свой русский роман в дар за то терпение и понимание, которые она оказывала ему все годы написания книги.

Е. Б. Белодубровский (Санкт-Петербург) сделал сообщение на тему «Попытка Голливуда: Бертенсоны и Набоковы».

Завершилась конференция выступлением А. Б. Устинова (США) «„Кубы“, или В. Сирин на берлинской выставке 1922 года».

© П. В. Бояркина

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-279-280

ЧТЕНИЯ ОТДЕЛА ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА В ЧЕСТЬ НАТАЛЬИ ДМИТРИЕВНЫ КОЧЕТКОВОЙ

9 августа 2023 года Н. Д. Кочетковой исполнилось 85 лет; это не только личный юбилей, но и века в истории коллектива, работавшего под ее руководством не одно десятилетие. Искреннее равнодушие Натальи Дмитриевны к общим начинаниям, терпеливая целеустремленность в сочетании с безошибочным тактом и неизменным дружелюбием служили и продолжают служить для ее товарищей по науке поощрением и подспорьем в труде.

21 сентября 2023 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Отдел по изучению русской литературы XVIII века, которым Наталья Дмитриевна руководила с 1988 по 2016 год, по инициативе Н. Ю. Алексеевой провел особое заседание — Чтения в ее честь с участием всех нынешних сотрудников Отдела.

В своем сообщении «Поздравительные стихи Стефано Паллавичино в честь императрицы Анны Иоанновны» А. О. Дёмин рассмотрел кантаты, посвященные российской монархине и прозвучавшие в Варшаве по случаю дня ее рождения и по случаю дня коронации 1736 года. Причиной для поздравлений служила благодарность саксонского курфюрста Фридриха Августа II, чье избрание на польский престол Анна Иоанновна поддержала силой оружия в ходе Войны за польское наследство. Король прибыл в Варшаву для подготовки к миротворному сейму шляхетства, который должен был утвердить его избрание. Музыкальной частью празднеств руководил придворный композитор саксонского курфюрста Дж. А. Ристори, он и написал музыку обеих кантат. Предполагалось, что автором стихов был придворный поэт курфюрста Ст. Б. Паллавичино. Рукописная партитура коронационной кантаты сохранилась в Саксонской земской библиотеке Дрездена, из нее извлекается как музыкальная, так и поэтическая часть, а вот музыкальная часть кантаты на день рождения до нас не дошла. В Российской национальной библиотеке, однако, находится издание ее текста под названием «Apollo in Tempore» («Аполлон в Темпее»). Автор взял за основу текст одноименной кантаты, анонимно изданной в Венеции в 1714 году, и вставил в него несколько упоминаний Анны

Иоанновны. В предисловии указаны обстоятельства создания нового текста (попытка автора поступить на русскую службу в качестве придворного поэта при итальянской труппе) и имя автора: Доменико Антонио д'Алоизио кавалер Васто, о котором пока более ничего не известно. Таким образом, из двух поздравительных кантат в честь Анны Иоанновны, прозвучавших в Варшаве весной 1736 года, только одна может быть вполне приписана Ст. Б. Паллавичино, хотя и на основании косвенных данных.

С. И. Николаев в докладе «Из комментариев к эпиграммам А. П. Сумарокова» заметил, что о существовании эпиграммы «Ты туфли обругал, а их бояря носят» известно с середины XIX века, но было установлено только ее название и то, что она не была напечатана по требованию М. В. Ломоносова. По содержанию обнаруженного в 1950-е годы П. Н. Берковым автора эпиграммы нельзя однозначно назвать повод к ее написанию. По мнению докладчика, Сумароков написал эпиграмму по просьбе Г. Ф. Миллера в защиту статьи Г. А. Полетики «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России и о нынешнем оных состоянии», публикации которой также воспрепятствовал Ломоносов. Другое произведение — надпись Сумарокова к надгробию графини А. П. Шереметевой — сохранилось в листовом издании 1768 года, на надгробной плите в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге, в публикации В. Г. Рубана 1779 года и в «Петербургском некрополе» (1913). Тексты во всех источниках полностью совпадают, но отличаются пунктуацией. Поскольку знаки пунктуации XVIII века не всегда совпадают по значению с современными, их расстановка в академическом издании требует осмысления и анализа, а не простого воспроизведения знаков препинания по изданию XVIII века, особенно при скудной источниковой базе.

В докладе Н. Ю. Алексеевой «К вопросу об историко-литературном контексте песни „О ты крепкий, крепкий Бендер-град...“» была прослежена история обращения Сумарокова к народному размеру, восходящая к 1762 году (его второй хор «Ко превратному свету»). Опыт